

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 182-190.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.182
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Nobility, Merchants and Clergy in the System of Social Movements in the 50s of the XIX – early XX centuries

Alexey A. Kiyashchenko ^a, Dmitry V. Naumov ^a, Dmitry S. Gudov ^{a, *}, Svetlana R. Gubaeva ^a

^aBelgorod State University, Russian Federation

Abstract

The study of social mobility and social lifts of the 50s of XIX century – early XX century is an urgent scientific problem of Russian history. The preparation and implementation of the great reforms of Alexander II led to the transformation of all spheres of public life, deeply affecting the estate system of the Russian Empire. The ensuing intensification of emancipation, leading to the evolution of inter-social relations, activated social lifts, stimulating both vertical and horizontal mobility. In this article, a team of authors analyzes the transformation in the second half of the 19th century of the main estates of Russia: the nobility, merchants and clergy, which were the final (or intermediate) goal for the transition of representatives of less privileged corporations.

The structure of this work is based on the principles of social ranking of the three specified estates in terms of their attractiveness for the transition. On the basis of this principle, methods of transition to the nobility, merchants and clergy, as well as the rights and obligations of newly entered individuals arising in connection with this transition, are consistently investigated. Based on the quantitative data of official sources, a conclusion is made about the mass character of the merchant's transition to the nobility, despite government measures aimed at complicating such a transition, at the same time, a regularity is drawn about the relative stability of the spiritual class, while softening the restrictive framework for its entry.

At the same time, the team of authors analyzes the gradual erosion of the estate framework during the last third of the 19th – early 20th centuries. and, in parallel, accompanied by this process, the interpenetration of moral norms, values and ideas inherent in the representatives of these estates, which, in turn, simultaneously contributed to the formation of the class structure of Russian society, instead of the de facto collapsing estate system.

Keywords: social mobility, social lift, nobility, merchants, clergy.

1. Введение

Эволюция сословной структуры российского общества периода Российской империи сегодня все больше привлекает внимание исследователей, так как межсословные и внутрисословные связи общества Российской империи до сих пор остаются недостаточно разработанными в исторической науке. С одной стороны, это связано с тем, что в советский период был накоплен большой багаж по истории отдельных социальных групп, в первую очередь пролетариата и крестьянства, но с акцентом на сословно-политические и хозяйственно-правовые процессы. В то же время практически не учитывались различные спектры межсословных и внутрисословных связей с учетом их внутренней стратификации. В этой связи особенно интересными и малоизученными остаются вопросы социальной мобильности в пореформенный период. Особую актуальность это приобретает при анализе переломных эпох, таких, каким и является пореформенный период. В статье рассматриваются три основных сословия Российской империи: дворянство, купечество и духовенство, переход в которые так или иначе являлся примером проявления

* Corresponding author

E-mail addresses: gudoff.dmitrij@yandex.ru (D.S. Gudov)

вертикальной мобильности по отношению к представителям других непривилегированных сословных групп, в первую очередь крестьянства.

2. Материалы и методы

При подготовке исследования были использованы документы Государственного архива Курской области (ГАКО), которые на отдельных локальных примерах могут проиллюстрировать общероссийские тенденции социальной эмансипации. Помимо архивных данных, была проведена работа с законодательными актами Российской империи: Табелью о рангах, Жалованной грамотой дворянству, Полным собранием законов и Сводом законов Российской империи. Важность этих документов заключается как в удобстве определения исходного состояния сословной структуры России на момент конца 1850-х гг., так и в возможности подробного изучения законодательного обеспечения реформ в социальной сфере на протяжении второй половины XIX века.

В основу исследования был положен принцип историзма и научной объективности, включающий в себя системный и диалектический подходы к анализу исторических процессов, что дает возможность рассмотрения динамики развития предмета исследования на протяжении всего изучаемого периода. В данной работе применялись историко-сравнительный и историко-генетический методы. Историко-сравнительный метод помог выявить общее и особенное в положении, особенностях перехода и возникновении новых норм для трех изучаемых сословий – дворянства, купечества и духовенства. Историко-генетический метод способствовал изучению трансформации как способов, так и всего процесса социальной мобильности в целом.

Таким образом, вышеописанные подходы позволили сформировать четкое представление о предмете исследования, изучив его различные аспекты с разных сторон, учитывая социально-экономические, культурные и правовые точки зрения.

3. Обсуждение

Социальная структура общества Российской империи привлекала внимание еще дореволюционных исследователей. При этом основным фокусом внимания зачастую служили психосоциальные факторы взаимодействия как различных сословий друг с другом, так и отдельных индивидов в рамках одного сословия. В советский период, основываясь на формационном подходе, исследователи начали уделять внимание социально-экономическим вопросам социального развития. Как правило, подробно изучалось определенное сословие и его представители в связях с остальными слоями населения Российской империи. Примерами таких работ могут являться труды Л.Е. Шепелева (Шепелев, 1977) и А.П. Корелина (Корелин, 1979), посвященные исследованию дворянства.

В 1990-е годы и в современный период проблема социальной мобильности и межсословных связей второй половины XIX – начала XX вв. привлекла значительное внимание исследователей. Так, работы Б.Н. Миронова (Миронов, 2003), Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой (Иванова, Желтова, 2010) посвящены изучению всей сословной системы в целом, с учетом социальных связей и взаимодействия. Работы В.И. Буганова (Буганов, 1994) посвящены изучению дворянства, исследования М.Н. Барышникова (Барышников, 1998), Е.П. Хорьковой (Хорькова, 1998), Л.А. Лернера (Лернер, 2005), С.С. Михеева (Михеев, 2011) направлены на изучение положения купеческого сословия, а труды В. Цыпина (Цыпин, 2006) рассматривают одно из самых закрытых сословий – духовенство.

4. Результаты

При анализе трех исследуемых сословий можно сделать логичный вывод, что наиболее привлекательной корпорацией для вступления считалось дворянство. Окончание формирования и закрепления в законе дворянства как первого сословия в Российской империи в основных чертах было закончено к концу XVIII века. Оно юридически оформилось изданием в 1785 году «Жалованной Грамоты дворянству» (Миронов, 2003: 85). Согласно Своду законов Российской империи, вплоть до 1917 года «благородное» сословие подразделялось на 6 основных разрядов: 1) дворянство жалованное или действительное, 2) дворянство военное, 3) дворянство по чинам, получаемым в службе гражданской, 4) иностранные роды, 5) титулами отличенные роды и 6) древние благородные дворянские роды (Свод Законов..., 1857: 4). Особую группу среди дворянства составляли личные дворяне. Эта социальная группа появилась в 1722 г. и включала лиц, находившихся на государственной службе, но не выслуживших чина, который давал статус потомственного дворянина (Миронов, 2003: 86).

Дворянство на всем протяжении XIX века продолжало оставаться корпорацией, открытой для вступления выходцев из других сословий. Существовало три основных пути приобретения дворянского достоинства: пожалование императором, получение определенного чина на военной или гражданской службе и пожалование российского ордена (Корелин, 1979: 24). Рассмотрим подробнее каждый из этих способов.

Первый путь представлял собой получение статуса благородного при непосредственном участии монарха. Как отмечал В.И. Буганов, подобные случаи были достаточно редки: так, с 1872 по

1904 годы отмечено всего 79 таких пожалований (Буганов, 1994: 38). К примеру, за спасение Александра II от выстрела Д.В. Каракозова крестьянин Осип Комиссаров был возведен в потомственное дворянство.

Более распространенными путями пополнения «благородного сословия» были чины. Так, введенная Петром I Табель о рангах предусматривала получение дворянства при достижении XIV чина военной или VIII чина гражданской службы (Табель о рангах, 1986: 56-66). Правда, в 1845 г. класс, дававший потомственное дворянство на гражданской службе, был увеличен с VIII до V; в военной – до VIII, а с 1856 года – до IV класса гражданской службы и VI военной (Миронов, 2003: 97). Отмеченное историками затруднение доступа по службе в дворянство лиц неблагородного происхождения в пореформенный период привело к тому, что вплоть до начала XX века более удобным способом попадания в помещичье сословие являлось пожалование орденами.

Получение практически любого ордена давало право на потомственное дворянство. Исключение составляли награждения орденом Святой Анны и орденом Святого Станислава, когда лишь первая их степень давала право на потомственное дворянство, тогда как остальные степени – только на личное (Иванова, Желтова, 2010: 155). Также был затруднен процесс получения ордена Святого Владимира: с 1858 года он стал даваться не в порядке постепенности, а исключительно по особому пожалованию. Л.Е. Шепелев особо отметил факт важности получения орденов для приобретения статуса «благородного»: «в 1875–1884 гг. в правах потомственного дворянства 40 % лиц было утверждено по чину и 60 % по ордену; в 1882–1896 гг. соответственно 28 и 72 %» (Шепелев, 1977: 20).

Таким образом, мы можем отметить, что, несмотря на государственную политику по затруднению получения дворянства выходцами из других сословий, во второй половине XIX века пополнение высшего сословия «неблагородными» элементами не прекращалось. Однако представляется важным затронуть вопрос восприятия подобных «новых дворян» в кругу благородных. Огромную роль в этом восприятии играл как путь приобретения дворянства, так и личные качества «нового дворянина», его нравственно-психологические воззрения, принятия чувства сословной чести и т.д. Ведь, как отмечает Л.Е. Шепелев, «наследование дворянства порождало внимание к истории рода..., его происхождению, роли в истории страны... Это знание... вызывало чувство личного достоинства и гордости за своих предков, напоминало о единстве всех живущих представителей рода и побуждало к заботе о сохранении его доброго имени. Честь дворянина воспринималась и им самим, и окружающими как некая важная реальность, вызывающая доверие к нему» (Шепелев, 1991: 30). А какую честь и доброе имя, с точки зрения потомственных дворян, мог иметь выходец из «неблагородного сословия»?

Тем не менее известный купец начала XX века П.А. Бурьшкин подчеркивал серьезную зависимость восприятия подобных неофитов от пути получения ими дворянского достоинства. Если это было пожалование императора, то тогда «такого рода дворян дворянское общество признавало и обычно принимало в свой состав» (Бурьшкин, 1991: 109-110). Если же это было получение орденов и чинов, то к таким дворянам, по мнению Бурьшкина, отношение было неоднозначное. С одной стороны, дворян, «продолжавших сидеть в амбарах», сохранявших свои прежние жизненные установки и менталитет, презирали и ментально не принимали в свой круг, с другой стороны, помещиков, не только получивших дворянство, но и усвоивших привычки и понятия «благородных», рассматривали как равных, достойных и честных людей (Бурьшкин, 1991: 111).

Как мы видим из вышеперечисленных примеров, наиболее часто дворянское сословие пополнялось как раз выходцами из купечества либо мещанами, отличившимися на государственной службе. Исключения из этого правила встречаются, но достаточно редко. Отсюда представляется важным проанализировать эти полупривилегированные сословия, представители которых становились наиболее частыми кандидатами на вступление в дворянство. Структура и права купеческого состояния были закреплены законодательными актами 1775–1785 годов (Грамота на права...). Представителями купечества являлись высшие страты городских обывателей, которые делились на гильдии. Общая структура гильдейского купечества состояла из трех гильдий, однако в 1865 году третья гильдия была упразднена. Высшей стратой городских обывателей считалось именитое гражданство (утверждено в 1785 году), которое в последующем было заменено на почетное гражданство (утверждено в 1832 году), продолжавшее существовать вплоть до начала XX века (Михеев, 2011: 528-532).

Представителями купечества считались лица, которые добровольно занимались торговой или предпринимательской деятельностью, но факт получения купеческого состояния определялся приобретением специальных гильдейских свидетельств. Так, для вступления в первую гильдию нужно было объявить капитал размером более чем 10 000 рублей, во вторую – от 1 000 до 10 000 рублей, в третью – от 500 до 1 000 рублей. Также необходимо было заплатить гильдейский сбор в размере 1 % от объявленного капитала (Михеев, 2011: 528-532). Отдельно стоит отметить почетное гражданство, получение которого не давалось имущественным цензом, а по аналогии с дворянством его можно было получить за гражданскую службу (пример – звание мануфактур-советник), пожалование орденом или за отличия в науке или искусстве. Также за успешную

коммерческую деятельность можно было получить такое звание. Для этого нужно было десять лет состоять в первой или двадцать лет во второй гильдии. Отдельные исследователи считают почетное гражданство своеобразной «буферной зоной» на пути в дворянство (Лернер, 2011: 60-65).

В правовом отношении купечество выгодно отличалось от положения крестьянства и нижних страт городских обывателей. Современные исследователи отмечают, что при вступлении в любую из трех гильдий купцы освобождались от подушной подати и рекрутской повинности, которая была заменена денежной компенсацией, а первая и вторая гильдии были освобождены от телесных наказаний. Кроме того, лица, состоящие в первых двух гильдиях, могли носить шпагу или саблю, ездили по городу в карете, могли приезжать к императорскому двору. Данный факт поднимал социальный статус купечества и приближал его к привилегированным сословиям (Михеев, 2011: 528-532).

Наиболее часто ряды купечества пополняли представители низших страт городских обывателей, что было обусловлено порядком перехода в купеческое состояние. Получение гильдейского свидетельства давало права купеческого состояния на установленный срок, чаще всего на год. Если гильдейское свидетельство не возобновлялось, то происходили потеря прав купеческого состояния и переход в разряд мещан. Такой порядок определял главный признак купеческого состояния – платежеспособность.

Вторым по численности переходов в купеческое состояние были представители крестьянства. Б.Н. Миронов отмечал, что за период с 1719 по 1858 годы численность городских обывателей возросла на 1,3 млн человек, прежде всего за счет вступления из других сословий (Миронов, 1984: 117), в основном из крестьянского сословия.

По большей части переход представителей крестьянства в купеческое состояние был последователен: первоначально «припиской» в мещане, а в последующем в купцы. Ярким тому примером может считаться А.Ф. Бурьшкин. В середине XIX века он переехал в город и был включен в разряд мещан, а уже к 1882 году стал купцом первой гильдии (Бурьшкин, 1991: 5). Массовость такого явления отмечают и другие исследователи, в частности П.Г. Рындзюнский выделяет канал социальной мобильности крестьян в «городское сословие» – отходничество (Рындзюнский, 1978: 246-247). Формально это выглядело следующим образом: необходимо было переехать в город (получить вольную у помещика и (или) увольнение от своего общества), пройти необходимые бюрократические оформления в городской администрации и казенной палате, после этого происходила «приписка» в мещане. Важным обстоятельством являлась уплата всех повинностей по прежнему званию.

Однако были случаи непосредственного перехода из крестьянства в купечество. Так, Ф.П. Демидов, выкупившись на волю у дворянки Тутолминой, напрямую перешел в купеческое состояние (Чилегин, 2006: 124-128). Такой порядок был оформлен законодательно Жалованной грамотой городам от 1785 года (Грамота на права...). Тем не менее подобные примеры были редки. Так, в течение 1858–1861 годов переход в купечество из крестьян составлял лишь 4–12 % от общего числа пополнения купеческого состояния (Озеров, 2001: 57).

Представителями дворянства в меньшей степени пополнялись ряды купечества. Для дворянства купеческое состояние не было привлекательно, так как было связано с понижением социального статуса, что определило малочисленность таких переходов. Неоднозначное восприятие дворянством предпринимательской деятельности ставило социально-психологические преграды для подобного перехода, хотя юридическая возможность имелась. Так, Александр I манифестом от 1 января 1807 года снял запрет для представителей дворянского сословия на получение купеческого состояния, что было обусловлено необходимостью укрепить связи между двумя сословиями. Тем представителям дворянства, которые не состояли на государственной службе, разрешалось записываться в первую и вторую гильдии, а с 1827 года – и в третью. В свою очередь дворяне, которые получали гильдейские свидетельства, несли все городские повинности и имели привилегии обоих сословий (Барышников, 1998: 5). Это не нашло широкого распространения в среде дворян, но отдельные примеры все же присутствовали. Наиболее известными из них были братья Шиповы. Они происходили из старинной дворянской семьи, имевшей значительное земельное состояние, однако еще в пореформенный период начали заниматься предпринимательской деятельностью, сначала винным откупом, а потом стали крупными фабрикантами. Так, формально потомственный дворянин А.П. Шипов являлся купцом первой гильдии (Хорькова, 1998: 185). В купцы записывались дворяне с высоким социальным статусом, например, в материалах Курской казенной палаты есть дело о записи в купцы III-й гильдии генерал-майора Ребендера (ГАКО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2334).

В пореформенные годы в связи с утратой дворянством монополии на земельную собственность переходы в купечество участились. Исследователи истории предпринимательства в России подчеркивают, что единичные случаи дворянского «окупечивания» к концу XIX века могли превратиться в тенденцию. В первую очередь на юге империи, где половину горнопромышленников составляли дворяне (Хорькова, 1998: 203). Законодательство пореформенного периода разрешало дворянству оставаться в рамках своего социального статуса, при этом занимаясь предпринимательской деятельностью. Тем не менее, архивные материалы Центрального Черноземья дают основания утверждать, что подобные переходы происходили значительно чаще, чем в

дореформенный период. Так, по материалам «Курской казенной палаты» за 1892 г., в Курской губернии представители дворянства получали гильдейские свидетельства на право торговли (ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 7526). Такой порядок был обусловлен развитием капиталистических отношений, где социальный статус становится тесно связан с наличием капитала, а не с сословной принадлежностью.

Таким образом, купечество, несмотря на полупривилегированный статус, являлось привлекательным для вступления представителей более низких страт – мещанства и крестьянства. Зачастую именно купечество являлось переходной стратой на пути к дворянству для предприимчивых и способных крестьян, что означало достаточно высокую степень открытости купечества по сравнению с дворянством.

Однако наиболее труднодоступным и закрытым сословием Российской империи считалось православное духовенство. Как отмечает Б.Н. Миронов, в первой половине XIX века оно «стало самым сословным из всех сословий» (Миронов, 2000: 103).

Православное духовенство делилось на две большие категории: белое и черное (монашествующее). К белому духовенству относились протопресвитеры, протоиереи, пресвитеры, иереи, протодьяконы, дьяконы, иподьяконы, церковные причетники в звании псаломщиков. Черное духовенство составляли митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, игуменьи, настоятельницы женских монастырей, ризничий Московского синодального дома, ректоры и префекты духовных академий и семинарий, монашеская братия. Черное духовенство составляло меньшинство, но именно его представители занимали наиболее высокие должности в церковной иерархии. Белое же духовенство такой возможности не имело, зато у него было право заводить семью. Это приводило к тому, что передача церковных должностей стала фактически наследственной.

Еще одним фактором закрытости духовного сословия было нежелание представителей других сословий принимать духовный сан и заниматься церковным служением. Низкая материальная обеспеченность, тяжелые условия быта большей части приходского духовенства не вызвали у представителей других сословий стремления надеть на себя рясу. Стоит отметить, что возможность попасть в духовное сословие извне была. В духовное сословие могли вступать представители «из всех вообще состояний, кроме крепостных, пока они не будут отпущены узаконенным порядком на волю» (Свод Законов..., 1857: 269). Пожелавший перейти в духовенство лишался всего, что имел в светской жизни: личного дворянства, прав, титулов, чинов. Поэтому духовное сословие, по сути, воспроизводило само себя. Так, историк И. Знаменский указывает, что число светских лиц, определявшихся в духовное звание, не было больше 91 (в 40-е гг. XIX века). Жены лиц духовного звания получали права духовенства, если ранее их не имели. По указу от 11 октября 1875 г. вдовы священнослужителей получали права личного дворянства, если у них не имелось прав потомственного дворянства.

Если же человек пожелал выйти из духовного сословия, то этот процесс был сопряжен со значительными трудностями. Существовали различные указы и акты на этот счет, которые были оформлены в единую систему при Николае I. 28 июня 1833 г. вышел закон о порядке выхода из духовного звания (О священнослужителях... 1834: 397-381). Желающего сложить с себя сан священника требовалось «увещевать» в течение трех месяцев, если же он был непреклонен в своем желании, то ему давали соответствующее разрешение с позволения Синода. По выходе из духовного звания за ним сохранялись права дворянства (как потомственного, так и личного), если он их имел до вступления в духовенство, разрешалось поступление на государственную службу. Кроме того, если имелись ордена или ученые степени, то они тоже сохранялись. Ограничение составляла только ученая степень доктора богословия: сложивший сан мог получить лишь степень магистра богословия. При этом светские и военные чины не сохранялись, а в послужном списке не отмечались события периода церковного служения, указывался лишь общий срок пребывания в нем (О священнослужителях..., 1834: 397-381).

Также священника могли лишить сана за совершение определенных преступлений. Если это не были уголовные преступления, то лишенный сана определялся на низшие клировые должности: дьячков, пономарей, сторожей и т.п. Таким людям запрещалось не только проживать в обеих столицах, но даже посещать их (О священнослужителях..., 1834: 397-381). Кроме того, им запрещалось поступление на государственную или общественную службу, военная служба дозволялась только в звании рядового (О священнослужителях..., 1834: 397-381). Эти ограничения могли быть сняты по истечении семилетнего срока в случае отсутствия новых замечаний. Все вышеуказанные меры приводили к тому, что добровольный выход из духовного сословия был непривлекательным.

Отношение в обществе к духовному сословию не было однозначным. Зачастую оно воспринималось негативно. Дворянство смотрело на него сверху вниз, крестьянство усматривало в духовенстве дополнительный источник трат и расходов, связанный с вознаграждением за исполнение церковных обрядов – крещения, венчания, отпевания и многих других.

В ходе церковных преобразований 1860-х – 1870-х гг. правительством были предприняты усилия для «открытия» духовного сословия. Духовный статус переставал быть наследственным, дети духовенства получили возможность выбирать себе род занятий по своим интересам и стремлениям. Также была отменена практика женитьбы только в рамках духовного сословия. Зачастую дети

духовенства не горели желанием продолжать дело своих отцов и стремились пойти по стезе светской жизни. Наиболее способные семинаристы пытались сдать вступительные экзамены и поступить в университет. Такая возможность для выпускников семинарий просуществовала недолго – с 1863 г. по 1879 г. Представители других сословий шли учиться в духовные школы, но также неохотно шли на церковное служение. В период с 1880 по 1914 годы доля представителей других сословий среди семинаристов выросла с 8 до 16,4 %, среди учащихся духовных училищ до 25,3 %, но среди клира с 0 до 1,5 % (Миронов, 2003: 107). Также к концу XIX века выросло количество дворян, перешедших в духовное звание. Так, если в начале XIX века архиереями из дворян были Игнатий (Брянчанинов) и Ювеналий (Половцев), то к концу века из дворян происходили будущий Патриарх Алексий (Симанский), митрополит Антоний (Храповицкий), Серафим (Чичагов), митрополит Серафим (Александров), митрополит Трифон (князь Туркестанов), епископ Андрей (князь Ухтомский) (Ципин, 2010: 324-325).

В силу указанных выше особенностей черное духовенство могло пополняться либо представителями белого духовенства, пожелавшими принять монашеский постриг, либо выходцами из других сословий. Желаящему принять монашеский сан предъявлялся ряд обязательных требований. Мужчины должны были быть в возрасте не менее 30 лет, женщины – 40 лет. Запрещалось вступление в брак женатым мужчинам или замужним женщинам, имевшим на попечении детей, если только оба супруга одновременно не желали уйти в монастырь. Нахождение под судом, наличие непогашенных долгов также были препятствиями на пути в монахи. Разрешение на принятие монашеского пострига давало общество, к которому был приписан человек (для податных сословий) или начальство (для служащих). Окончательное разрешение необходимо было получить от губернатора (Свод Законов..., 1857: 84-85).

Пребывание в монашеском сане накладывало целый ряд не только сугубо церковных, но и гражданских запретов. Монахам было запрещено владение недвижимым имуществом, равно как и его приобретение; если до пострига человек обладал такой собственностью, он был обязан передать ее наследникам (Свод Законов..., 1857: 85). Монахи не имели права на получение пенсий, на владение имуществом (даже в случае оставления монашеского сана оно им не возвращалось), не могли быть поручителями и поверенными в делах, не касавшихся духовного ведомства и многое другое (Свод Законов..., 1857: 85).

Принятие монашеского пострига было пожизненным. Тем не менее существовала возможность выйти из монашеского звания. Впервые такие права были закреплены при Александре I. Желаящего выйти нужно было увещавать в течение шести месяцев. Увещание надлежало проводить настоятелю монастыря, старшей братии и епархиальному начальству (Свод Законов..., 1857: 85). Если решение не менялось, то человек получал возможность вернуться к ранее имевшимся правам состояния. При этом все чины, звания, награды, имевшиеся до пострига, терялись. Также было запрещено поступление на государственную службу, проживание в течение семи лет в обеих столицах и на тех территориях, где происходило монашествование (Свод Законов..., 1857: 85).

Как уже было сказано выше, такие строгие правила приема и выхода из духовенства приводили к нежеланию представителей других сословий принимать духовный сан и заниматься церковным служением. В особенности это нежелание распространялось на представителей «благородного» сословия – дворянства, что можно объяснить потерей всех привилегий помещичьего сословия. Тем не менее существовали отдельные случаи принятия дворянами такого решения. Как правило, большинство упоминаний о подобных ситуациях встречается в источниках личного происхождения: мемуарах, письмах, воспоминаниях.

В этой связи достаточно интересным источником является «Докладная записка кафедрального протоиерея Иоанна Арсеньева Святейшему Патриарху Тихону (Беллавину)»: «Иван Васильевич Арсеньев, родился 7 марта 1862 г. в Москве в семье потомственного дворянина В.С. Арсеньева и Н.Ю. Арсеньевой (урожденной княжны Долгорукой). По достижении 17-летнего возраста поступил в Московскую духовную семинарию. Ректор семинарии Н. Благоразумов отметил перед началом учебного года на молебне, что поступление в семинарию дворян – явление новое, при этом выразил надежду, что подобного рода действие сможет послужить сближению церкви и интеллигенции. В 1884 г. Арсеньев закончил Московскую духовную семинарию. В 1885 г. Арсеньев поступил в Московскую духовную академию. В 1892 году о. Иоанн был назначен законоучителем московского Учительского института и священником домового институтского храма во имя мученика Андрея Стратилата» (Гончаров, 2011: 117-118).

5. Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что все рассмотренные выше сословия юридически не были закрытыми и допускали возможность не только горизонтальной, но и вертикальной социальной мобильности. Вступление в каждое из сословий было связано не только с изменением юридического состояния, но и всего образа жизни и сферы деятельности. Существовали не только юридические, но и социальные, а также психологические барьеры на вступление в то или иное сословие. Выход из него был сопряжен с утратой прежнего статуса. Тем не менее в пореформенный

период мы можем наблюдать увеличение интенсивности вертикальной социальной мобильности в среде высших сословий Российской империи.

Литература

- Барышников, 1998** – *Барышников М.Н.* Деловой мир России. М.: Издательство «Искусство-СПБ», 1998. 448 с.
- Буганов, 1994** – *Буганов В.И.* Возникновение и становление дворянства как сословия с XII века и далее // *Вопросы истории.* 1994. №1. С. 29-41.
- Бурышкин, 1991** – *Бурышкин П.А.* Москва купеческая: Мемуары. М.: Высшая школа, 1991. 352 с.
- ГАКО** – Государственный архив Курской области.
- Грамота на права...** – Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 года // Полное собрание законов Российской империи / Собрание (1649–1825). [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html#1(дата обращения: 20.01.2020).
- Иванова, Желтова, 2010** – *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
- Корелин, 1979** – *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М.: Наука, 1979. 304 с.
- Лернер, 2005** – *Лернер Л.А.* Торгово-промышленное законодательство и социальный статус купечества в России в XIX веке // *История, теория, практика Российского права.* 2005. № 1. С. 60-65.
- Миронов, 2003** – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): В 2 т. Т. 1. 3-е изд., испр., доп. СПб.: «Дмитрий Буланин». XL, 2003. 583 с.
- Миронов, 1984** – *Миронов Б.Н.* Историк и социология. Л.: Наука, 1984. 176 с.
- Михеев, 2011** – *Михеев С.С.* К вопросу о динамике развития купеческого сословия Российской империи через призму эволюции Российского законодательства // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского.* 2011. № 23. 528-532.
- О священнослужителях..., 1834** – О священнослужителях белого духовенства, слагающих сан сей по собственному их желанию и лишаемых оного за пороки / Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание второе. Том 8. Отделение 1., СПб.: В типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1834. С. 379-381.
- Озеров, 2001** – *Озеров Ю.В.* Курское купечество в середине XIX века. Курск: Маэстро-Принт, 2001. 79 с.
- Рындзюнский, 1978** – *Рындзюнский П.Г.* Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М.: Наука, 1978. С. 246-247.
- Свод Законов..., 1857** – Свод Законов Российской Империи. Том 9. Законы о состояниях, СПб.: В типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. 572 с.
- Табель о рангах, 1986** – Табель о рангах... // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. Отв. ред. А.Г. Маньков. М., Юридическая литература, 1986, С. 56-66.
- Хорькова, 1998** – *Хорькова Е.П.* История предпринимательства и меценатства в России: Учебное пособие для вузов. М.: «Издательство ПРИОР», 1998. 496 с.
- Цыпин, 2010** – *Цыпин В.* РПЦ в синодальную эпоху. 1700–1917 гг. М.: Издательство Сретинского монастыря, 2010. 816 с.
- Чилегин, 2006** – *Чилегин В.А.* Кризис полотняного производства 1820–1850 гг. (на примере Вязниковских полотняных фабрик) / *Древняя столица: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции.* Владимир, 2006. С. 124-128.
- Шепелев, 1977** – *Шепелев Л.Е.* Отмененные историей чины, титулы и звания в Российской империи. Л.: Наука, 1977. 154 с.
- Шепелев, 1991** – *Шепелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л.: Наука, 1991. 222 с.

References

- Baryshnikov, 1998** – *Baryshnikov, M.N.* (1998). *Delovoi mir Rossii* [The business world of Russia]. Izdatel'stvo Moscow, «Iskusstvo-SPB». 448 p. [in Russian]
- Buganov, 1994** – *Buganov, V.I.* (1994). *Vozniknovenie i stanovlenie dvoryanstva kak sosloviya s XII veka i dalee* [The emergence and formation of the nobility as an estate from the XII century onwards]. *Voprosy istorii.* 1: 29-41. [in Russian]
- Buryshkin, 1991** – *Buryshkin, P.A.* (1991). *Moskva kupecheskaya: Memuary* [Merchant Moscow: Memoirs]. Moscow: Vysshaya shkola. 352 p. [in Russian]
- Chilegin, 2006** – *Chilegin, V.A.* (2006). *Krizis polotnyanogo proizvodstva 1820-1850 gg. (na primere Vyaznikovskikh polotnyanykh fabrik)* [Linen production crisis 1820-1850 (on the example of the Vязников linen factories)]. *Drevnyaya stolitsa: istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.* Vladimir. Pp. 124-128. [in Russian]

GAKO – Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti [State Archive of the Kursk Region].

Gramota na prava... – Gramota na prava i vygody gorodam Rossiiskoi imperii ot 21 aprelya 1785 goda [Charter for rights and benefits to the cities of the Russian Empire dated April 21, 1785]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie (1649–1825). [Electronic resource]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html#1 (date of access: 20.01.2020). [in Russian]

Ivanova, Zheltova, 2010 – *Ivanova, N.A., Zheltova, V.P.* (2010). Soslovnnoe obshchestvo Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX veka). [Estates society of the Russian Empire (XVIII – early XX century)]. Moscow: Novyi khronograf. 752 p. [in Russian]

Khor'kova, 1998 – *Khor'kova, E.P.* (1998). Istoriya predprinimatel'stva i metsenatstva v Rossii: uchebnoe posobie dlya vuzov [History of entrepreneurship and patronage in Russia: a textbook for universities]. Moscow: «Izdatel'stvo PRIOR». 496 p. [in Russian]

Korelin, 1979 – *Korelin, A.P.* (1979). Dvoryanstvo v poreformennoi Rossii 1861-1904 gg. [The nobility in post-reform Russia 1861-1904 Moscow]. Moscow: Nauka. 304 p [in Russian]

Lerner, 2005 – *Lerner, L.A.* (2005). Torgovo-promyshlennoe zakonodatel'stvo i sotsial'nyi status kupechestva v Rossii v XIX veke [Commercial and industrial legislation and the social status of the merchants in Russia in the 19th century]. *Istoriya, teoriya, praktika Rossiiskogo prava*. 1: 60-65. [in Russian]

Mikheev, 2011 – *Mikheev, S.S.* (2011). K voprosu o dinamike razvitiya kupecheskogo sosloviya Rossiiskoi imperii cherez prizmu evolyutsii Rossiiskogo zakonodatel'stva [On the dynamics of the development of the merchant class of the Russian Empire through the prism of the evolution of Russian legislation]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo Universiteta im. V.G. Belinskogo*. 23: 528-532. [in Russian]

Mironov, 2003 – *Mironov, B.N.* (2003). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social history of Russia during the period of the empire (XVIII – early XX century)]. V 2 t. T. 1, 3-e izd., ispr., dop. St. Petersburg: «Dmitrii Bulanin». XL. 583 p. [in Russian]

Mironov, 1984 – *Mironov, B.N.* (1984). Istorik i sotsiologiya [Historian and Sociology]. Leningrad: Nauka. 176 p. [in Russian]

O svyashchennosluzhitelyakh..., 1834 – O svyashchennosluzhitelyakh belogo dukhovenstva, slagayushchikh san sei po sobstvennomu ikh zhelaniyu i lishaemykh onogo za poroki [On the clergy of the white clergy, reigning this at their own request and depriving it for their vices]. Polnoe Sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoro. Tom 8. Otdelenie 1., St. Petersburg: V tipografii Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1834. Pp. 379-381. [in Russian]

Ozerov, 2001 – *Ozerov, Yu.V.* (2001). Kurskoe kupechestvo v seredine XIX veka [Kursk merchants in the middle of the 19th century]. Kursk: Maestro-Print. 79 p. [in Russian]

Ryndzyunskii, 1978 – *Ryndzyunskii, P.G.* (1978). Utverzhdenie kapitalizma v Rossii. 1850–1880 gg. [The establishment of capitalism in Russia. 1850-1880]. Moscow: Nauka. Pp. 246-247. [in Russian]

Shepelev, 1977 – *Shepelev, L.E.* (1977). Otmenennye istoriei chiny, tituly i zvaniya v Rossiiskoi imperii [Canceled by history ranks, titles and titles in the Russian Empire]. Leningrad: Nauka. 154 p. [in Russian]

Shepelev, 1991 – *Shepelev, L.E.* (1991). Tituly, mundiry, ordena v Rossiiskoi imperii [Titles, uniforms, orders in the Russian Empire]. Leningrad: Nauka. 222 p. [in Russian]

Svod Zakonov..., 1857 – Svod Zakonov Rossiiskoi Imperii. Tom 9. Zakony o sostoyaniyakh. [Code of Laws of the Russian Empire. Volume 9. Laws of states]. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1857. 572 p. [in Russian]

Tabel' o rangakh, 1986 – Tabel' o rangakh... [Table of Ranks]. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X-XX vv.: v 9 t. T.4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma. Otv. red. A.G. Man'kov. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1986, S. 56-66. [in Russian]

Tsypin, 2010 – *Tsypin, V.* (2010). RPTs v sinodal'nyu epokhu. 1700-1917 gg. [ROC in the synodal era. 1700-1917]. Moscow: Izdatel'stvo Sretinskogo monastyrya. 816 p. [in Russian]

Дворянство, купечество и духовенство в системе социальных перемещений в 50-х гг. XIX – начале XX вв.

Алексей Александрович Киященко ^a, Дмитрий Владимирович Наумов ^a,
Дмитрий Сергеевич Гудов ^{a, *}, Светлана Ренатовна Губаева ^a

^a Белгородский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Изучение социальной мобильности и социальных лифтов 50-х гг. XIX – начала XX вв. – актуальная научная проблема отечественной истории. Подготовка и проведение великих реформ Александра II привели к трансформации всех сфер общественной жизни, глубоко затронув

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gudoff.dmitrij@yandex.ru (Д.С. Гудов)

сословную систему Российской империи. Последовавшее за этим усиление эмансипации, приведя к эволюции межсословных отношений, активизировало социальные лифты, стимулируя как вертикальную, так и горизонтальную мобильности. В данной статье коллектив авторов анализирует трансформацию во второй половине XIX века основных сословий России: дворянства, купечества и духовенства – являвшихся конечной (или промежуточной) целью для перехода представителей менее привилегированных корпораций.

Структура данной работы построена на основе принципов социального ранжирования трех указанных сословий с точки зрения их привлекательности для перехода. На основании этого принципа последовательно исследуются способы перехода в дворянство, купечество и духовенство, а также возникающие в связи с этим права и обязанности вновь вступивших индивидов. Основываясь на количественных данных официальных источников, делается вывод о массовости купеческого перехода в дворянство, несмотря на правительственные меры, направленные на затруднение такого перехода, в это же время выводится закономерность относительной стабильности духовного сословия при смягчении ограничительных рамок на его вступление.

Вместе с тем коллектив авторов анализирует постепенное размывание сословных рамок на протяжении последней трети XIX – начала XX вв. и параллельно сопровождающееся вместе с этим процессом взаимопроникновение нравственных норм, ценностей и идей, присущих представителям указанных сословий, что, в свою очередь, одновременно содействовало складыванию классовой структуры российского общества вместо де-факто разрушающейся сословной системы.

Ключевые слова: социальная мобильность, социальный лифт, дворянство, купечество, духовенство.